

Джонни

Гитара

Сиэтл, шт. Вашингтон

март 1955 - март 1958

Герой: «имя Джонни. Джонни Гитара»

Первый плохой парень: «Это не имя»

***Второй плохой парень: «Орел - я убью тебя,
мистер; решка – ты можешь сыграть»***

- из фильма Джонни Гитара

ВЕСНОЙ 1955, Джими Хендрикс был заснят, как выпускник шестого класса со своими одноклассниками в *Леши Элементар*. Фотографию с 46 детьми можно было отправлять в ООН в качестве открытки: равное количество афроамериканцев, кавказцев, азиатов. «Это было идеалистическое время и место» – вспоминает Джимми Вильямс. «Твоя раса не имела никакого значения. Мы были часть одной большой дыры». На фотографии Джими как бы насмехается над требованием взрослых стоять ровно. Джими окончил *Леши* этой весной и пошел в среднюю школу с средним «С».

В жизнь семьи также было все ниже среднего. 30 марта 1955 года. На слушаньях в суде *Кинг Каунти Кортхаус*, в том же месте, где они поженились, Эл и Люсиль снова подписали родительские права на Джо, Кети, Памела и Альфреда Хендриксов. Слушанье было формальным, так как всех детей уже вернули, однако, в связи с постановлением суда Эл и Люсиль были навсегда лишены «каких-либо в частности и всех вообще родительских прав и интересов по отношению к этим детям». Долорес Холл сказала, что Люсиль была «убита» решением суда о лишении ее материнства. Это слушанье было также знаковым в связи с тем, что Эл Хендрикс позже заявлял, что он не был их отцом, при том что в суде он признал отцовство над всеми четверыми.

Слушанье проходило в то время, когда дома у Джими все было чрезвычайно плохо. Эл потерял работу и стал задерживать выплату по кредиту за жилье. Обстановка в доме дошла до той точки, что даже тетушки были неспособны убрать всю грязь и восстановить разруху. Однажды остановившись у их дома футбольный тренер Бут Гарднер увидел Джими, сидящего одного в темноте. «Электричество было отключено», – сказал Гарднер.

Джими бродил по району днями и ночами напролет без присмотра. Для многих из *Централ Дистрикт* он был бродячей собакой, слоняющейся от дома к дому. Кроме того, такая жизнь стала для Джими своеобразным способом познания, так как в скоре он знал всех музыкантов в округе, просто слушая с улицы их репетиции. Он слушал музыку, играющую из дома, и только из любопытства стучался в эту дверь. «Мой брат играл на клавишных», – вспоминал Семми Дрейн, «Джими слышал это, и однажды он просто остановился у дома».

Вообще говоря, разгуливать молодому пареньку было довольно опасно. Однажды Джими с группой ребят были в лесу. Один из соседей, умственно отсталый мальчик, стал немного отставать. Джими и другие ребята стали кричать ему, но он исчез из поля зрения, тогда они стали возвращаться, чтобы найти его. Они увидели его в процессе сексуального насилия неким пожилым человеком, которого напугали своим появлением. Спустя десять лет Джими рассказывал свое подруге, что он сам подвергался сексуальному насилию в те времена. Он опустил детали, но это имело место быть.

Этим летом социальная служба снова стала угрожать забрать Джими в детский дом. В качестве компромисса, Эл согласился, что Джими будет находиться с его братом Френком, который проживал неподалеку. В доме у Френка Джими познакомился со строгой матриархальной фигурой – женой Френка – Пирл. Она

командовала в семье, как сержант, но в это же время она заботилась обо всех членах семьи и сама делала яблочное варенье. «Моя мама объяснила мне, что Джими должен пожить у нас, потому что Эл пока что не может позаботиться о нем», – вспоминает Диана Хендрикс. Френк Хендрикс работал на заводе Боинг и приносил неплохой доход, поэтому лишняя тарелка на столе не была проблемой. Наиболее неприятным из этого переезда было то, что ему пришлось ходить в разные школы со своими друзьями. Когда Джими этой весной пошел в седьмой класс, то это была школа *Мини*, в то время как друзья остались в Вашингтоне.

Эл нашел работу в департаменте по озеленению, где он и будет работать до конца своих дней. Но стрижка травы не приносила большой прибыли, и он вынужден был взять сожителей. Корнелл и Эрнестин Бенсоны временно въехали в комнату Джими. Эрнестин выяснила вскоре, что помимо аренды за комнату, Эл хотел, чтобы она вела домашнее хозяйство. Несмотря на то, что Эл и Люсиль развелись пару лет назад, Эл часто приглашал поговорить свою бывшую. «Он звал ее выпить», – вспоминает Эрнестин. «Иногда пьяным он называл ее по-всякому. Это было показательным, как мужчина относился к женщине в те времена. Было позволено выпивать мужчине, но выпивающих женщин избегали». Эрнестин вспоминала, что когда Эл напивался, он терял контроль, и время от времени, заблудившись, не приходил домой. «Он заходил в дом с калиткой, так как в его доме была калитка, и полагал, что это его дом», – рассказывала она. «Он заходил, растягивался на диване и говорил «Чего вы все здесь делаете», и дальше «Мы здесь живем, а вы – нет». Затем хозяйка звонила в полицию и его забирали».

Появление Эрнестин Бенсон определенно было положительным: она была фанатом блюзовой музыки и привезла с собой большую коллекцию пластинок на 78 оборотов. Он впервые услышал Мадди Вотерса, Лайтнина Хопкинса, Роберта Джонса, Беси Смита и Хоулина Вулфа. «Я любила мои пластинки», – сказала Эрнестин, «а Джими любил всякую домашнюю утварь». Единственным инструментом Джими был веник, и, слушая эти блюзы, его воображаемая гитара оживала. «Он так увлеченно играл на венике, что мог его полностью распотрошить», – отмечал Корнелл Бенсон.

§

В ФЕВРАЛЕ 1956 жизнь Джими, как постоянного скитальца продолжалась. Френк и Пирл разошлись и его отправили назад к Элу. Бенсоны съехали, а Эл и Джими снова на какое-то время остались вдвоем.

Переезд позволил Джими перейти в школу *Вашингтон Джуниор Хай*, где он снова был со своими друзьями. Раньше он был прилежным школьником, но в этом году, его успеваемость упала катастрофически. За первое полугодие он получил одно «В», семь «С» и одно «D». За второе полугодие у него уже было три «С», четыре «D» и два «F». Директор этой школы Френк Фидлер, говорил, что Джими регулярно ходил в школу, по большей части он просто плохо учился, чем плохо себя вел. «Он не был ребенком, который вечно попадает в различные истории», – вспоминал Фидлер, «он просто плохо учился».

Джими закончил этот год в *Вашингтон* и пошел бы сюда же в сентябре 1956 года в восьмой класс, если бы дома не продолжались проблемы. В этом месяце банк

забрал дом и Джими с Элом переехали в пансионат миссис Маккей. Джими перешел в прежнюю школу *Мини* и пошел в восьмой класс.

В семье Маккей был сын с парализованными нижними конечностями, который играл на совсем плохенькой гитаре с одной струной. Когда гитара пришла совсем в негодность, Джими подлатал ее и попросил миссис Маккей продать ее. «Она сказала, что продаст ее за пять долларов», – вспоминает Леон. Эл не был готов раскошелиться, и в результате Эрнести Бенсон дала Джими денег на покупку первой гитары. Для большинства этот инструмент был бы бесполезным куском дерева. Джими, однако же, развернул с ней настоящий научный проект: он исследовал каждый лад, извлекал трески, гулы и всевозможные звуки из своей гитары. Он не играл музыку как таковую, он просто делал шум. «У него была только одна струна», – вспоминала Эрнести Бенсон, – «но он мог сделать так, что бы она заговорила».

Теперь он играл на воображаемой гитаре хотя бы держа настоящую в руках. На дневном сеансе в *Атлас Сиэты* Джими посмотрел фильм Джонни Гитара режиссера Николаса Рэя. В роли Джонни Гитары снимался Стерлинг Хайдн, который сыграл единственную песню, и большую часть фильма его акустическая гитара просто висела у него за спиной вниз грифом. В результате, этот образ четко отпечатался в голове у Джими. «Он смотрел это кино», – вспоминал Джимми Вильямс, «и ему очень нравилось, как выглядел этот парень с гитарой за спиной. Он стал носить гитару в точности как герой в фильме». Как и большинство тинэйджеров, для Джими гитара была модным аксессуаром. Пара ребят из его класса вспоминали, как он приносил гитару-калеку в школу и рассказывал о ней на занятиях (одна из методик обучения в американских школах, по которой ученики приносят с собой некий предмет и описывают его). Когда его просили сыграть на ней, он отвечал: «Она сломана». Тем не менее он никогда не оставлял ее без присмотра. Он даже спал вместе с ней.

Весной 1957 года Джими было четырнадцать. Два события произошли с ним за последующие восемнадцать месяцев, которые сохранились у него в памяти до конца жизни: он побывал на выступлении Элвиса Пресли и на проповеди Литла Чичарда.

Выступление Элвиса было более предсказуемое событие. Элвис выступал на стадионе *Сиэтл Сик* 1 сентября. Джими не мог купить билет за полтора доллара, поэтому он смотрел выступление с холма, с которого просматривался стадион. Хотя Элвис был всего маленьким пятнышком, но Джими стал свидетелем сумасшествия шестнадцатитысячной толпы от пребывания кумира на сцене. Элвис исполнял свои лучшие хиты и покинул сцену впрыгнув на заднее сиденье белого Кадиллака. Когда Кадиллак выезжал с поля, для Джими это был самый близкий вид Короля, который был в блестящем золотом костюме. Спустя два месяца после концерта, Джими нарисовал в своем блокноте Элвиса, держащего акустическую гитару, исполняющим очередную порцию своих хитов.

Через год, Леон однажды бежав с поручением от своей приемной матери, решил пошпионить за неким лимузином, из которого впоследствии вышел Литл Ричард. Ричард пожал Леону руку и сказал, что проповедует в одной местной церкви – в этот короткий период, когда Ричард отрекся от рок-н-ролла в пользу Бога. Леон побежал искать Джими и они вдвоем пошли этим вечером посмотреть на проповедь Ричарда. «У нас действительно не было хорошей одежды», – вспоминал Леон. «На Джими была белая рубашка и сильно рваные теннисные туфли. В церкви

на нас поглядывали». Этот инцидент стал основным, из-за которого в последствии Джими утверждал, что его «выставили» из церкви из-за не неподходящей одежды, чего на самом деле не было. Вместо этого, несмотря на неодобрительные взгляды прихожан, Джими с Леоном усевшись, замерли, наблюдая за подпрыгивающими волосами в прическе Литла Ричарда, когда тот читал проповедь об адских муках. После проповеди, ребята хотели найти Ричарда, но в отличие от остальных, им не были нужны библейские разговоры – они всего лишь хотели дотронуться до первой знаменитости, которую они встретили.

§

ДЖИМИ ПОШЕЛ В ДЕВЯТЫЙ класс в сентябре 1957. Этот год, а может быть и вся его жизнь в тот период были примечательны тем, что он встретил Кармен Гауди, свою первую подружку. В свои тринадцать, она была моложе, но была такой же бедной. «Если у нас на двоих хватало денег на одно мороженное на палочке, то это было большой удачей», – вспоминала Кармен. «Мы делили мороженное на две части». В редких случаях ребятам хватало денег сходить на дневной сеанс в кино, это было только благодаря тому, что Кармен припрятывала пожертвования во время воскресной школы. Большую часть времени они просто гуляли или шатались по паркам.

Кармен также жила в общежитии, но даже по сравнению с ней, Джими выглядел беднее бедного. «Он носил белые долларовые ботинки», – вспоминала она. «У него была дырка на подошве, на которую он положил кусок вырезанного картона в виде стельки. Он много ходил и картон постоянно протирался. И ему пришла идея менять не весь картон, а только кусок на дырке, тогда он стал носить с собой маленькую картонку. В таком случае, когда картонная стелька протиралась, он доставал этот кусочек и накладывал его изнутри на дырку». Джими редко ходил в школу с собойкой, поэтому Кармен постоянно делилась с ним своим бутербродом.

Чего у обоих было в избытке, так это фантазий, они оба были фантазерами. Фантазия Кармен была стать известной танцовщицей. Первичной мечтой Джими было иметь собственную гитару. После это, как он заявлял, он станет известным музыкантом. Это было подростковым бахвальством, которое вызывало насмешку одноклассников, но для Кармен и Джими это было связующим звеном их отношений. «Мы называли это «понарошку», – говорила Кармен. «Мы воодушевляли друг друга, несмотря на то что, говорили невероятные вещи».

У Кармен было еще одно качество, которое притягивало Джими – ее сестра встречалась с парнем, который играл на гитаре. Джими частенько болтался под ногами у этого человека, как будто бы, наблюдая за тем, как играет другой, сам научиться это делать. Джими учился аккомпанировать своей воображаемой гитаре, звуком, который воспроизводил ртом. «Он издавал звуки почти соответствующие нотам», – вспоминала она. «Это немного напоминало пение *скатом*, на самом деле он напевал гитарное соло, без слов, только горловым пением». Что касается собственного пения, то Джими утверждал, что поет ужасно, и как бы не разубеждала его Кармен, он не соглашался спеть для нее. Со временем его заикание исчезало, и изредка проявлялось, когда он нервничал, что было часто в присутствии Кармен.

У соседских одногодок Джими в этом году стали появляться музыкальные инструменты. Пернел Александр был первым из друзей, у кого появилась гитара, хоть это и была плохого качества акустика с грифом шире, чем бейсбольной биты. Чуть позже в этом году Пернел приобрел электрогитару, и этот инструмент был очень популярен во всей округе, что ребята останавливались только для того, чтобы поглядеть на него.

Когда Джими наконец удалось приобрести струны для своей гитары, его возможности игры на гитаре значительно увеличились, несмотря на то, гриф был искажен и гитара не строила. «Мой отец думал, что все левши – это от дьявола», – вспоминал Леон. Джими натянул струны под левую руку. Это привело к комической ситуации, что всегда, когда появлялся Эл, Джими сразу же переворачивал гитару, продолжая свою композицию. «Он учился играть, как левша и как правша, потому что наш отец постоянно входил в комнату, и ему надо было все время переворачивать гитару наоборот, иначе Эл кричал на него», – вспоминает Эл. «Отец был очень недоволен, что он все время играет, а не работает». Эл привлекал Джими косить газоны при любом подходящем случае, а молодой Хендрикс, соответственно, как мог пытался этого не делать.

§

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ, ЛЕОН временно покинул приют, трое Хендриксов снова оказались в малюсенькой комнатке пансиона. Джими стал себя ощущать лучше в окружении своего младшего брата, а результаты его учебы немного улучшились. Этой осенью он получил «С» по английскому, музыке, естествознанию и трудам. Он по-прежнему завалил физкультуру и получил «D», как общий результат. Даже такие оценки были довольно неплохими, если учесть, что теперь он не меньше одного раза в неделю пропускал школу. Когда он прогуливал школу, он ходил по соседям, как правило, со своей гитарой за спиной, как у Джонни Гитара.

Несмотря на то, что Джими и Леон не видели своей матери уже месяцы, они слышали от Долорес, что Люсиль заново вышла замуж 3 января 1958 года. После короткого романа она вступила в брак с Вильямом Митчеллом, вышедшем на пенсию рыбаком, который был на тридцать лет ее старше. Несмотря на новый брак, по словам Долорес, Люсиль по-прежнему иногда заходила к Эллу, во всяком случае, когда они сталкивались друг с другом в баре на *Ислер*, где они оба были завсегдатаями. «Они здесь сталкивались друг с другом и все это начиналось с начала», – вспоминает Долорес.

В следующий раз, когда Люсиль видела сыновей, это было связано с ее проблемами со здоровьем от выпивки. Осенью 1957 ее дважды клали в больницу *Хорборвью* из-за цирроза печени. В середине января 1958, недавно вышедшая замуж, вернулась в больницу с гепатитом. Долорес взяла Джими с Леоном навестить ее. Ребята были потрясены, увидев свою мать бледной сидящей в инвалидном кресле, выглядевшей значительно хуже по сравнению с тем, какой они ее видели в последний раз до этого. «Она привыкла всегда выглядеть прекрасно и ярко», – говорил Леон. «На ней всегда были драгоценности и от нее хорошо пахло. Но в этот раз ничего такого не было».

Она множество раз обнимала и целовала ребят, а за тем, как ребята вышли из палаты, поговорила с Долорес наедине. «Знаешь, сестра», – сказала Люсиль «я долго не проживу. У меня столько детей, я люблю их, и я хотела бы заботиться о них и быть хорошей мамой, но я не способна этого сделать. Я не смогу этого сделать». В независимости от того, насколько все было плохо в прошлом, Люсиль всегда была жизнерадостной, Долорес была шокирована слушать свою младшую сестру такой удрученной. «Все будет прекрасно», – сказала ей Долорес. «Ты только побереги себя». Состояние Люсиль улучшилось и на следующих выходных она вышла из больницы, в надежде, что пошла поправку.

Годы спустя Джими напишет свою наиболее автобиографичную песню «Castles Made of Sand» («Замки, построенные из песка», [прим. перевод.]), упоминая женщину на инвалидном кресла чье «сердце было хмурым». Леон говорил: «Эта песня о нашей матери». В начале песни поется о домашней перебранке, жена хлопает дверью перед своим пьяным мужем. Во втором куплете мальчик, который играет в лесу, воображает из себя вождя индейцев. Искалеченная женщина решается лишиться жизни прыгнув в море, и крича «Больше ты не причинишь мне боли» прыгает. Она приземляется на корабль с золотыми крыльями. Джими завершает песню куплетом о вечности, используя образ «замков, построенных из песка» размываемых морем.

§

ДВУМЯ НЕДЕЛЯМИ ПОСЛЕ визита Джими и Леона, Люсиль Джетер Хендрикс Митчелл не стало.

Долорес узнала, что ее сестра была повторно помещена в госпиталь 1 февраля, когда ей позвонил друг Люсиль, который сказал, что она была найдена в бессознательном состоянии в переулке за закусочной на Ислер. Долорес и Дороти Хрдин сразу же поехали к ней в госпиталь *Харборвью*. «Медсестры сказала, что не знаю что с ней не так, но у нее будет все хорошо», – сказал Долорес. «В ту ночь было столько происшествий, что коридоры были заполнены ранеными в перестрелках и ножевыми ранениями, поэтому она вряд ли даже взглянули на нее». После того, как женщины пожаловались, Люсиль была наконец помещена в палату. Они ждали снаружи, но пока пришел доктор Люсиль умерла от разрыва селезенки. «Они могла спасти ее», – рассказывала Долорес, «но у нее было внутреннее кровотечение, но у них так и не дошли до этого руки».

В свидетельстве о смерти Люсиль было указано, что непосредственной причиной смерти было «разрыв селезенки и кровоизлияние». В качестве сопутствующих факторов смерти в свидетельстве были указаны «хроническая гипертензия и хронический цирроз». Воротная вена переносит кровь в печень, эта функция может быть уменьшена в результате цирроза, такое заболевание, как правило, возникает в результате алкоголизма. Однако, селезенка, даже в случае долговременного цирроза, редко рвется без травматических воздействий. Люсиль должна была либо упасть, либо была избита в не закусочной, что привело к разрыву селезенки. В семье было много версий произошедшего с ней, но истинных причин выявлено так и не было.

Знакомый пришел к Элу в общежитие сообщить ему эту новость. Джими, которому исполнилось пятнадцать прошедшей осенью, подслушал разговор и начал плакать; Леон было всего десять и он был больше ошеломлен, чем опечален. Для похорон Люсиль перевезли в похоронное бюро в *Чайнатаун*, Эл снял грузовичок и туда повез на нем ребят. Однако перед похоронным бюро он решил изменить решение о том, чтобы взять ребят для прощания с телом и решил оставить их в машине, пока сам совершит свое прощание с женщиной, от которой у него было шестеро детей. «Эл был единственным мужчиной, которого любила Люсиль», – говорила Долорес. «Она могла быть с другими мужчинами, но она не любила кого-либо еще».

Ожидая в машине, Джими плакал, но Леон был более стойкий, думая, что если проявит эмоции, то боль уйдет. Когда Эл вернулся, он предложил каждому из мальчиков немножко выпить виски *Сиграм'с 7* из фляжки, которую он достал из кармана. Все втроем Хендриксы мужчины сделали большие глотки и Эл поехал к дому.

Похороны состоялись четырьмя днями позже в церкви *Пентенкостал*. Мать Элла, Нора, приехала из Ванкувера, также пришло около двух десятков друзей Люсиль. Похороны были запланированы на воскресенье на 14.00. Когда пришло время, все из присутствующих ждали Элла, Джими и Леона. Священник не начинал, думая, что они просто задерживаются. Если Эл сам и не собирался принимать участия, то, как думали родственники Люсиль, он по крайней мере из приличия должен был привезти мальчиков. В 16.00, с двух часовым опозданием, похороны в конце концов начались. Мальчики так и нее показались. «Мы продолжали ждать», – вспоминала Долорес – «но они так и не пришли».

В своей автобиографии Эл объясняет, что Джими хотел поехать на похороны, но у Эла не было машины и он дал Джими денег на проезд на автобусе и сказал ему «Вот тебе деньги на проезд, ты можешь поехать на автобусе». Чем поехать на автобусе на похороны своей матери самостоятельно, он остался плакать в своей комнате. «Мы оба хотели поехать» – вспоминал Леон, но отец не позволил нам это сделать.

Когда Дороти Хардин вечером приехала к Элу, то двинула ему по голове. «Я ненавидела его за это» – вспоминала Хардин. «Я сказала, ему что он будет сожалеть об этом всю жизнь». И что более важно, Долорес сказала Элу, что Джими и Леон будут жалеть об этом. На что Эл ответил: «Ну что ж, уже нет смысла сейчас с ними ехать, все уже закончилось».

«Нет, Эл», – ответила Долорес, показывая на ребят, которые были в соседней комнате, которых держала Дороти. «Может быть, для тебя это так и есть, но это никогда не будет так для них».

Джими всегда был застенчив, однако после смерти Люсиль он стал более замкнутый и отчужденный. Остальное время его юности он редко с кем-то заводил разговор кроме как со своими ближайшими друзьями. «Он стал чрезмерно чувствительным», – вспоминала Эбони Хардин. «Он был очень-очень грустен». Как некоторые отмечали, это было чувство отрешенности; пройдя через это, глубочайшую потерю, для него казалось, что уже ничто не имеет значения. Кроме всего у него появилась такая характерная черта, которую многие отмечали, когда он уже стал взрослым: вместо того что бы что-то планировать, он ждал каждый день,

как последний. Он продолжал быть мечтателем, но также принимал все жизненные обстоятельства с покорностью, даже если в жизни что-то шло не так.

Смерть Люсиль навсегда поменяли отношения Джими с Элом. Если даже Джими и не знал, где была его мать, он чувствовал ее присутствие в своей жизни, это была альтернатива, это была альтернатива, которую хотя бы можно было представить. Выбор его отца не позволил ему присутствовать на похоронах, что осталось у него в памяти. «По-правде говоря, он не простил это нашему отцу», – сказал Леон. Потерю матери, о чем Джими говорил редко, он не обсуждал даже со своими ближайшими друзьями. Подруга Кармен Гауди узнала об этом от своих одноклассников. Джими Вильямс слышал от Леона. В его собственном внутреннем мире Джими стал превозносить мать, которую потерял, и Люсиль все чаще становилась предметом поэзии и самых первых песен, которые он начал писать этой весной. Джими всегда были интересны научная фантастика и космос, и к этим мальчишеским увлечениям он добавил новый оттенок с помощью ангелов. «Мама стала для него ангелом», – говорил Леон. «Он говорил мне, что уверен, что она была ангелом, и она повсюду следовала за нами».

§

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ этой весной Долорес Холл услышала звук со своего крыльца. Она схватила фонарь и вышла наружу. Свет фонаря упал на лицо Джими. Он был в углу на кресле. «Что ты здесь делаешь так поздно ночью, Бастер?», – спросила она. «Ничего», – он ответил.

«Было такое впечатление, что он потерян», – через много лет вспоминала Долорес Холл. «Он был одинок той ночью. Вряд ли я его видела таким, как тогда».

Долорес попыталась помочь ему. «Заходи же внутрь», – попросила она. «Я тебя чем-нибудь покормлю».

«Оо..., я наблюдаю за звездами», ответил он. «Я приду позже».

«Ты думаешь о своей матери?» – спросила она.

«Откуда ты знаешь?» – ответил он. «Однажды я увижу ее. И увижу ее снова».

«Я знаю», – ответила Долорес. «Мы все ее увидим».

Казалось, он должен был смягчиться от долгих уговоров. Однако после продолжительного молчания он вернулся напевая, как парень, который начитался научно-фантастических комиксов и посмотрелся фильмов *Флеш Гордон* в *Атлас Сиэта*. «Однажды я полечу в звездное путешествие, сам взлетая в небеса», – похвастался он. «Я собираюсь на звезды и на луну. Я хочу отправиться и посмотреть что же там».

«Я хочу попасть на небо», – говорил он, глядя на свою тетю, «от звезды к звезде».